

Мархгейм Марина Васильевна,
заведующая кафедрой конституционного и муниципального права
Юридического института НИУ «БелГУ»,
д.ю.н., профессор
(Белгород, Россия)

САМО-ПРАВООЗАЩИТНИК: ЗВУЧИТ И КОНСТИТУЦИОННО, И ГОРДО

Современное состояние правозащитной сферы демонстрирует, скорее, широкое, нежели глубокое знание о каталоге прав человека и о способах, которыми, по идее (нередко почерпнутой из СМИ), можно защититься от их нарушений. Несмотря на изложенную в Конституции России внятную ценностную оценку человека, его прав и свобод, на сформулированную и адресованную государству (в лице всех его органов и должностных лиц) обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (ст. 2), на четкую позицию о детерминирующей роли прав и свобод человека и гражданина в отношении содержания и применения законов, деятельности законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления, а также их обеспечения правосудием (ст. 18), перечисленные и иные представители власти так и не усвоили эти конституционные требования в качестве императива. По словам Г.В. Мальцева «Юридический парадокс заключается в том, что по форме государство предлагает человеку право на помощь, а по сути получается, что оно дает гражданину лишь право просить эту помощь у государства с возможными положительными или отрицательными результатами... Из гордых носителей прав люди превращаются в назойливых клиентов, обивающих пороги офисов государственных служб»¹.

Демонстрационным экраном здесь стали сюжеты из «прямой линии» Президента Российской Федерации (14 апреля 2016 г.). Если только после команды «разобраться!», последовавшей от главы государства – конституционного гаранта прав и свобод человека и гражданина (ч. 2 ст. 80), запускается молниеносный правозащитный механизм, то нужно крепко задуматься как минимум над двумя вопросами: не слишком ли мы идеализируем правозащитную мотивированность представителей власти и надеемся на них? не слишком ли велик и в силу этого беспечен государственный механизм, который никак не возьмется работать системно и ответственно, прежде всего, в сфере прав человека? Относительно второго вопроса можно предположить, что «плодоносит» процесс перерождения государственной бюрократии, кото-

¹ Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М., 2008, С. 266.

рая «усваивая привычки и ценности частной бюрократии, отказываясь косвенно или прямо от ориентации на широкие общественные интересы, используя политический авторитет государства и его монопольные позиции в частных и групповых интересах»¹, и здесь сложно что-то быстро и результативно предпринять, разве что предложить главе государства проводить «прямые линии» ежеквартально.

По поводу второго вопроса каждый из нас вполне может пересмотреть свое бесперспективное упование на «властей всех функциональных мастей» и занять активную позицию в качестве само-правозащитника – реального субъекта конституционных правоотношений.

Отметим, что само-правозащитник, будучи элементом правозащитной структуры России, обладает, на наш взгляд, наиболее мощной мотивацией защитить свои права и свободы и имеет самый широкий для этого арсенал. Вместе с тем само-правозащитник не часто вооружен необходимыми знаниями, умениями и навыками для эффективной защиты своих прав и свобод. Такая ситуация в России обусловлена, в том числе непродолжительностью того периода, когда индивиды получили конституционную возможность защищать свои права всеми не запрещенными законом способами. Поэтому целесообразно представить некоторые подходы, способствующие обретению лицом правозащитных знаний, а вместе с ними и качеств само-правозащитника.

Отметим, что самозащита лицом своих прав и свобод всеми не запрещенными законом средствами в нашей стране впервые возведена на конституционный уровень с принятием Конституции России 1993 г. В конституционном положении ч. 2 ст. 45 воплощен тезис Итогового документа Венской встречи представителей государств-участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе о том, что необходимо «уважать право граждан самостоятельно или совместно с другими вносить активный вклад в развитие и защиту прав и свобод человека»². Самозащита имеет различные формы, ограниченные действующим российским законодательством и обусловленные тем, какое право лица нуждается в защите. Целесообразно обособить те формы самозащиты, которые прямо названы в Конституции России. Это не препятствует расширению ее способов, их адаптации к отраслевой специфике. Единственным ограничением здесь является прямой законодательный запрет.

¹ Мальцев Г.В. Право и экономическая власть // Правовое государство, личность, законность. М., 1997. С. 58.

²Итоговый документ Венской встречи 1986 г. представителей государств-участников совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшейся на основе положений заключительного акта, относящихся к дальнейшим шагам после совещания от 19 января 1989 г. // Гражданство и свобода передвижения. Нормативные акты и документы. – М.: Юрид. лит., 1994. – С.21.

Исследование конституционных форм самозащиты предполагает характеристику их субъекта. Например, в ч. 2 ст. 45 речь идет о «каждом»; в ст. 32 – о «гражданах Российской Федерации», которые имеют право на обращения, одна из разновидностей которых – жалоба – напрямую связана с самозащитой; в ч. 3 ст. 50 – о «каждом осужденном».

В Конституции России наряду с индивидуальными конституционными формами самозащиты закреплены ее коллективные проявления: каждый имеет возможность защищать свои права и свободы через общественные объединения (например, профессиональные союзы, некоммерческие и правозащитные организации).

Конституционные формы самозащиты можно систематизировать в зависимости от содержательной группы прав и свобод человека и гражданина, нуждающейся в защите. Так, самозащита политических прав и свобод российских граждан может осуществляться в предусмотренных Конституцией России формах: мирные, без оружия, митинги, шествия, демонстрации, пикетирования (ст. 31), проведение которых упорядочено Федеральным законом от 19 июня 2004 г. «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»¹; самозащита трудовых прав конституционно допускается посредством забастовки (ч. 4 ст. 37). Самозащита признана также формой защиты гражданских прав (ст. 12 ГК РФ). Она допускается без обращения в суд, а способы самозащиты должны соответствовать нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения (ст. 14 ГК РФ).

Помимо общих форм самозащиты, в Конституции России предусмотрены также ее специальные формы. К их числу отнесем, например, право обвиняемого в совершении преступления на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей (ч. 2 ст. 47). Этот важный процессуальный принцип, распространяющий свое действие на всех лиц, имеющих такой формальный процессуальный статус, приобретает свойства самозащиты, как только лицо выразит в форме ходатайства свою волю по данному поводу. Обвиняемый по собственному желанию, опираясь на ч. 2 ст. 47 Конституции Российской Федерации, просит, чтобы его дело разрешалось «судьями факта»², не зависящими от государственной власти. В данном случае актуализируется специфический случай конституционного права каждого на самозащиту (ч. 2 ст. 45).

¹Федеральный закон от 19 июня 2004 г. №54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // СЗ РФ. – 2004. – №25. – Ст.2485.

²Боботов О.С. Суд присяжных в новой системе судебной организации Российской Федерации // Гражданин и право. – 2000. – №4.

Аналогичные трансформации происходят также с процессуальными принципами, нашедшими конституционное закрепление в ч. 2 ст. 48, ч. 3 ст. 50, ч. 1 ст. 51: если задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления изъявит желание воспользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения, то ему не может быть отказано; надлежаще оформленные просьбы осужденного о пересмотре приговора вышестоящим судом, о помиловании или смягчении наказания не могут оставаться без рассмотрения; любой принявший решение не свидетельствовать против самого себя, своего супруга и определенного федеральным законом круга близких родственников, не обязан этого делать.

Изложенное позволяет определить само-правозащитника в качестве конституционного субъекта (лицо, группа лиц), решившего реализовать конституционную возможность артикулировать не запрещенные законом правозащитные требования и претензии лица к обязанным уполномоченным органам, отнестись к ним в установленном Конституцией Российской Федерации, иными законами порядке. Ряд конституционных требований лица, прибегнувшего к самозащите, должен быть удовлетворен, без каких-либо усмотрений.

В связи с правом на самозащиту отметим, что российский гражданин, имея конституционное право на обращение, по собственному усмотрению решает, куда ему направить жалобу: в судебные или административные органы, в государственные или муниципальные структуры, в общественные организации, к руководителям предприятия и организаций, в средства массовой информации. Такой выбор делается на основе собственного или стороннего правозащитного опыта с целью получения наиболее полной защиты нарушенных прав и законных интересов, что позволяет говорить о «вторичном факторе самозащиты». Именно поэтому российские граждане так стремятся направить свое обращение к Президенту России, в том числе на «прямую линию». Нельзя не порадоваться за тех, кто оказался услышанным и получил свои заработанные деньги, аппарат искусственной вентиляции легких, решение квартирного вопроса и т.п. Но не может и не удручать то, с какими, порой, элементарными вопросами люди вынуждены обращаться к главе государства, поскольку оказались не услышанными иными представителями власти. Полагаю, всем лицам, наделенным властью, в силу ст. 18 Конституции России, а также исходя из сложившейся практики усмотренческого подхода к реализации конституционной обязанности признавать, соблюдать и защищать

права и свобод человека и гражданина, необходимо соответствующее дополнительное образование или повышение квалификации, например, по программе «Правозащитные системы в Российской Федерации».

Митов Георги,
доктор PhD, доцент,
Великотърновски университет „Св. Св. Кирил и Методий“
(Болгария)

ВЪЗВИВЕН КОНТРОЛ ВЪРХУ ПЪРВОИНСТАНЦИОННИЯ СЪДЕБЕН АКТ ПРИ ВРЪЩАНЕ НА ДЕЛОТО НА ПРОКУРОРА

Обжалването и протестирането на разпореждането на съдията-докладчик (чл. 249, ал. 3 НПК) и на определението на първоинстанционния съд (чл. 288, ал. 2 НПК) за връщане на делото на прокурора за отстраняване на допуснато отстранимо съществено нарушение на процесуалните правила, довело до ограничаване на процесуалните права на обвиняемия или на неговия защитник, поставя сложни теоретични и практически въпроси. На някои от тях търси отговор това изследване.

I. Предварително следва да се изясни възможността съдът да върне делото на прокурора и основанията за това.

1. Връщане на делото от съда на досъдебното производство е възможно в три хипотези¹:

а) Първата хипотеза на връщане на делото на прокурора е в стадия подготвителни действия за разглеждане на делото в съдебно заседание, когато при проверката, която извършва съдията-докладчик (чл. 249, ал. 2, вр. чл. 248, ал. 2, т. 3 НПК) установи, че на досъдебното производство е допуснато отстранимо съществено нарушение на процесуални правила, довело до ограничаване на процесуалните права на обвиняемия или на неговия защитник, на пострадалия или на неговите наследници.

Разпореждането на съдията-докладчик подлежи на протестиране и обжалване по реда на глава двадесет и втора.

б) След проверката от съдията-докладчик връщането на делото на прокурора е възможно от първоинстанционния съд в съдебното заседание (чл. 288, ал. 1, т. 1 НПК), когато е допуснато отстранимо съществено нарушение

¹. За пълнота може да се посочи, че извън тези хипотези съдът може да върне делото на прокурора в производството по глава двадесет и осма на НПК – Освобождаване от наказателна отговорност с налагане на административно наказание (чл. 377 НПК). Основанието за това правомощие (не са налице основанията по чл. 78а НК) е различно от разглежданото и затова е извън предмета на този анализ.